

ЛИНГВИСТИКА

Н.А. Антропова

К ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ФЕМИНИСТСКОЙ КРИТИКИ

Аннотация. Предметом исследования является антисексистское реформирование немецкого языка. Автор ставит перед собой цель – на примере Германии показать, как феминистская критика языка может повлиять не только на государственную языковую политику, но и на состояние национального языка. Анализ многочисленных источников позволил констатировать, что в Германии многие критические замечания феминистской лингвистики были восприняты позитивно и учтены при выработке стратегии антисексистского использования немецкого языка. Автором рассмотрены: причины, вызвавшие к жизни феминистскую критику языка, её сущность, признаки андроцентризма в языке. Основное внимание уделено устранению гендерных асимметрий в немецком языке и законодательно закреплённому антисексистскому использованию немецкого языка в различных сферах общественной жизни. В основу исследования легли общенаучные методы познания, такие, как анализ, обобщение и систематизация научной информации, анализ фактического материала (текстов законодательных актов, научных публикаций и средств массовой информации). В качестве методологической основы следует рассматривать воззрения известных немецких исследователей – основоположников феминистской критики языка. Статья знакомит научную общественность с немецкими научными трудами и нормативными документами, не переведенными на русский язык и поэтому недоступными широкому кругу читателей. Автором исследованы тексты научных публикаций, законодательных актов, интернет-сайтов, в том числе касающихся вакансий на рынке труда, и немецкой прессы на предмет выявления гендерно корректных формулировок. Установлено, что постепенно расширяется область применения инноваций, устраняющих сексизм в языке. Вместе с тем выяснилось, что гендерно корректный язык в наибольшей степени присущ женским изданиям, остальные носители информации, как правило, используют гендерно корректные формулировки лишь в определённых случаях.

Ключевые слова: феминистская критика языка, андроцентризм, гендерные асимметрии, языковой сексизм, языковая политика, языковая норма, несексистское использование языка, административно-правовой язык, маскулинные / фемининные обозначения, гендерно корректные формулировки.

Abstract. The subject of the study is the antisexist reform of the German language. The objective of the study is to show how feminist critique of language can affect not only the public language policy, but also the state of the national language based on the example of Germany. The incessant polemic referring to this phenomenon, both in the scientific community and the media, confirms the actuality of the subject. In Germany, many of the criticisms of feminist linguistics were perceived positively and taken into account in developing a strategy of antisexist use of the German language. The author considers: the causes which called into existence a feminist critique of language, its nature, and the signs of androcentrism in the language. The focus is on eliminating gender asymmetries in the German language and legally fixed antisexist use of the German language in various spheres of public life. The author studied the texts of scientific publications, legislation, websites and German media to identify gender-correct language. It was established that the field of application of innovations eliminating sexism in German language is gradually expanding. However, it turned out that gender-correct language attached to a great extent to women's magazines, the other media tend to use the gender-correct forms only in certain cases.

Key words: androcentrism, gender asymmetries, language sexism, language policy, language norm, unsexist use of language, feminist critique of language, legal and administrative language, masculine/feminine notations, gender-correct forms.

Обладая такими парадигмальными особенностями, как экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, современная лингвистика породила множество новых направлений (говоря современным языком, мейнстримов), являющихся результатом интегрирования различных областей научного знания. Речь идёт, в частности, о феминистской лингвистике, которая явилась результатом интегрирования, с одной стороны, феминизма как теории и практики женского движения (объект социологии), а, с другой стороны, лингвистики как одного из многочисленных орудий феминизма в его борьбе против любых форм дискриминации женщин.

В основе феминистской лингвистики лежит феминистская критика языка (неслучайно эти два понятия рассматриваются как тождественные), главной целью которой является выявление и устранение гендерных асимметрий в языке как проявлений женской дискриминации. В конечном итоге перед обществом ставится задача по несексистскому использованию языка во всех сферах общественной жизни, в первую очередь в СМИ, в административно-правовой сфере, в образовании, в рекламном бизнесе и т.п. Ответить на вопрос, осуществлена ли эта, на наш взгляд, довольно амбициозная задача на практике, призвано проведённое нами исследование. Основанием для исследования явился не прекращающийся интерес к данному феномену на Западе (в нашей стране интерес присутствует, однако, не столь явно выраженный), что, в свою очередь, подтверждает актуальность темы и лежащей в её основе проблемы.

Таким образом, предметом исследования является антисексистское реформирование немецкого языка. Цель исследования – на примере отдельно взятой страны показать, как феминистская критика языка может повлиять не только на государственную языковую политику, но и на состояние национального языка. Мы выбрали для примера Федеративную Республику Германию, поскольку в этой стране многие критические замечания феминистской лингвистики были восприняты позитивно и впоследствии были учтены при выработке стратегии антисексистского использования немецкого языка.

В основу исследования легли общенаучные методы познания, такие, как анализ, обобщение и систематизация научной информации, анализ фактического материала (текстов законодательных актов, научных публикаций и средств массовой информации). В качестве методологической основы следует рассматривать воззрения известных немецких исследователей – основоположников феминистской критики языка.

Отношение к феминизму в обществе неоднозначно, тем не менее, нельзя не признать наличие причин, вызвавших это явление к жизни. Неравенство полов существовало в истории человеческого отношений всегда, даже более того, оно превозносилось как естественное, т.е. предусмотренное самой природой свойство. Взять хотя бы высказывания одного из основателей немецкой филологии – великого Якоба Гримма, который, говоря о свойствах немецких грамматических родов, утверждал, что женский род есть нечто позднее, более мягкое, более тихое, страдающее, пассивно принимающее. Для него существительное «рука» (нем. *die Hand*) женского рода поскольку, обозначаемый им орган меньше по размеру и менее активный, чем «нога» (нем. *der Fuß*), которая в немецком языке обозначена существительным мужского рода. Для достоверности приведём цитату из книги Я. Гримма на немецком языке: «Das maskulinum scheint das frühere, größere, sprödere, raschere, das thätige, bewegliche, zeugende; das femininum das spätere, kleinere, weichere, stillere, das leidende, empfangende; das neutrum das erzeugte, gewirkte, stoffartige, generelle, unentwickelte, kollektive, das stumpfere, leblose» [1, с. 346].

Аналогичную позицию занимает и известный датский языковед Отто Эсперсен, утверждая, что язык женщины примитивнее языка мужчины и что только среди мужчин можно встретить новатора, искусно оперирующего языком. В подтверждение своих слов, приведём следующее высказывание Эсперсена на немецком языке: «Die frauen bewegen sich vorzugsweise auf dem mittelfeld der sprache, wobei sie alles abseits weg liegende oder seltsame vermeiden, die männer dagegen prägen oft entweder neue wörter oder nehmen altmodische wieder auf, wenn es ihnen dadurch ermöglicht wird oder sie es sich wenigstens einbilden, einen angemesseneren oder genaueren ausdruck für ihre gedanken zu finden. Die frauen folgen regelmäßig der landstraße der sprache, die männer aber geben häufig der neigung nach, einen schmalen seitenpfad einzuschlagen oder sogar sich einen neuen weg erst zu bahnen» [2, с. 238].

Если уж такие образованные люди видят в женщине существо более низкого порядка, то что говорить о других представителях человечества, которые открыто пропагандируют мужское превосходство, зачастую прибегая к помощи средств массовой информации, главным орудием которых, как известно, является слово. Язык как средство отражения реальности, с одной стороны, и как средство формирования мышления (и в конечном итоге общественного мнения), с другой, становится объектом пристального внимания со стороны феминистски настроенной части общества.

Соответственно не смогла противостоять активному феминистскому натиску и лингвистика как наука о языке: в конце 1960 – начале 1970-х гг. в языкознании формируется новое научное направление, основной целью которого является выявление и преодоление мужского доминирования в языке. Следует отметить, что существенным стимулом для её развития послужила идеология постмодернизма, проповедующая зависимость сознания индивида от стереотипов языка. Феминистские исследования языка носят явно выраженный междисциплинарный характер, поскольку, нарушая собственные границы, совершают экспансию в такие области научного знания, как социология, психология, философия, культурология, история.

Объектом исследования феминистской лингвистики является связь языка с полом. Акцент ставится на выявление, описание и оценку языковых явлений, так или иначе ущемляющих интересы женщин, с целью последующего их устранения из языка с помощью самого же языка. Феминистская критика направлена на патриархатные по своей сути стереотипы, зафиксированные в языке и навязывающие его носителям мужскую картину мира. В конечном итоге речь идёт о переосмыслении и изменении языковых норм на основе сознательного «профеминистского» нормирования языка и новой (антидискриминационной) языковой политики. Налицо интересный феномен интернациональной, политически мотивированной эволюции языка, масштаб и значимость которой нельзя недооценивать.

Профеминистски настроенные критики языка видят присутствие в нём гендерной асимметрии, т.е. неравномерной представленности лиц разного пола, получившей название «языковой сексизм». При этом под «сексизмом» понимается «позиция или действие, которые принижают, исключают, недооценивают и стереотипизируют людей по признаку пола» [3, с. 19]. Речь идёт, на их взгляд, о намеренной дискриминации женского пола в языке. Термин «языковой сексизм» несёт в себе отрицательный заряд и, в свою очередь, намеренно используется феминистами для выражения крайне негативного отношения к проблеме доминирования мужского превосходства в языке.

В феминистской лингвистике язык рассматривается как носитель андроцентричности, т.е. ориентированности не на человека вообще (антропоцентричность), а на мужчину, в результате чего «язык создаёт картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли «другого», «чужого» или вообще игнорируется» [4].

Андроцентричность, изначально заложенная в языке, в конечном итоге привела к тому, что «всё сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с её приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объективности женщины» [5, с. 139]. Гендерные различия, таким образом, конструируются социумом, навязывая как мужчинам, так и женщинам представления об их ролевой предопределённости. Следует отметить, что данное утверждение созвучно гипотезе Сепира – Уорфа о том, что язык, с одной стороны, является продуктом общества, а с другой – средством формирования его мышления и ментальности.

В Германии с конца семидесятых годов начались активные исследования немецкого языка на предмет выявления в нём гендерных асимметрий. Толчком послужили работы Сенты Трёмель-Плётц (S. Trömel-Plötz: «Linguistik und Frauensprache» 1978, «Sprache, Geschlecht und Macht» 1980, «Frauensprache: Sprache der Veränderung» 1982, «Gewalt durch Sprache: Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen» 1992, «Vatersprache. Mutterland. Beobachtungen zur Sprache und Politik» 1992 и др.) и Луизы Пуш (L. Pusch: «Das Deutsche als Männersprache» 1981, «Alle Menschen werden Schwestern», 1990).

Совместными усилиями исследователями были выявлены признаки андроцентризма, так или иначе выраженные в немецком языке (кстати сказать, аналогичные признаки присутствуют во многих языках). К ним были отнесены:

- отождествление понятий «человек» и «мужчина». Как и во многих языках Европы, эти разные понятия обозначаются одним и тем же существительным Mann (Ср.: man в английском, homme во французском, hombre в испанском, чоловік в украинском и т.п.). Отсюда напрашивается вывод, что мужчина – это человек, а женщина – нечто совсем другое и отнюдь не более высокого порядка. Такое умозаключение подтверждается и тем фактом, что другое немецкое слово der Mensch человек, являющееся существительным мужского рода, в общедоступно-разговорной речи может употребляться по отношению к женщинам, однако уже с артиклем среднего рода (das Mensch), получая при этом иронично-уничижительную окраску (см.: Küpper H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. Stuttgart : Klett, 1990);
- имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот (Lehrer «учитель» – Lehrerin «учительница»). Кроме того, мовированным формам наименований женщин по профессии часто сопутствует субъективно-негативная

оценочность (ср.: *Pilotin, Prokuristin, Biologin*), а применение мужского обозначения к референту-женщине не только допустимо, но и повышает её статус. Имеют место факты, когда мужское наименование обнаруживает более престижные социальные коннотации, чем соотносительное женское наименование, например: *Entbindungspfleger* «акушер» – *Hebamme* – «акушерка», *Erzieher* «воспитатель детского сада» – *Kindergärtnerin* «воспитательница детского сада», *Raumpfleger* «уборщик» – *Putzfrau* «уборщица», *Krankenpfleger* «медбрат» – *Krankenschwester* «медсестра». Неслучайно появление новых престижных профессий часто влечет за собой появление новых слов с маскулинным компонентом *-mann* (*Datenfachmann* «специалист по сбору и обработке данных»). На момент исследований в словарях вообще отсутствовали женские параллели к некоторым существительным, например, *General, Kapitän* и др.;

- маскулинные формы существительных, как правило, употребляются неспецифицированно, то есть относительно лиц как мужского, так и женского пола. Речь идёт о механизме «включённости» женщин в грамматический мужской род (нем. *das generische Maskulinum*). Так, в немецком языке во множественном числе используется маскулиная форма *Lehrer* «учителя», если имеются в виду не только учителя-мужчины (*Lehrer*), но и учителя-женщины (*Lehrerinnen*). Такая невыраженность женщины в языковых формах препятствует её идентификационным возможностям, в то время как языковая идентификация является «предпосылкой психологического, социального и даже биологического выживания» [6, с. 24]. В определённых контекстах с использованием местоимений хорошо видна «невключённость» женщины в родовую мужской род. Ср.: *Der Japaner ernährt sich meist gesund. Fast jeder konsumiert häufig Fisch und Gemüse. Японец* питается в основном здоровой пищей. Почти каждый часто потребляет рыбу и овощи. *Der Student von heute ist zielstrebig. Selten überschreitet er die Regelstudienzeit. Студент* сегодня целеустремленный. Он редко преступает нормированное время обучения [7, с. 26, 30]. Как мы видим, в русском тексте также налицо проблема «неидентификации» женщины языковыми средствами. Эта абсурдная система, считает Л. Пуш, стала только потому возможной, что изначально и впоследствии мужская половина человечества воспринималась как некая норма, а женская – всецело зависимой от неё половиной [8,

с. 50]. Следует отметить, что насыщенность административно-правового языка немецкоязычных стран «неспецифицированными» именами мужского рода длительное время препятствовала появлению специальных наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности, за исключением случаев, когда речь шла о типично «женских» профессиях, как правило, находящихся на низших ступенях профессиональной лестницы (Ср.: *Putzfrau* «уборщица», *Garderobenfrau* «гардеробщица», *Arzthelferin* «фельдшерница»);

- наиболее наглядно асимметрию в репрезентации маскулинности и фемининности в немецком языке отражает местоименная система. Речь идёт о личных местоимениях 3-го лица единственного лица и правилах согласования для неопределённых местоимений (*jeder, jede, keiner, keine, man*) и вопросительного местоимения *wer*. Так, согласование на синтаксическом уровне происходит по форме грамматического рода, а не по реальному полу референта. Построенное согласно грамматическим канонам предложение *Die Studenten haben vorgeschlagen, dass jeder seinen Anteil selbst bearbeiten soll* «Студенты предложили, чтобы каждый сам обработал свою часть» в плане содержания соотносится либо только с учащимися мужского пола, либо со смешанной группой лиц. Однако чаще всего такие формулировки при говорении и слушании заставляют иметь в виду только мужчин, тем самым приводя к потере части информации, или в лучшем случае они могут восприниматься как невежливые [9, с. 2950-2955]. Особенно неуместными кажутся «мужские» формы, если речь идёт о сугубо женской тематике (Ср.: *Wer hat hier seinen Lippenstift vergessen?* Букв.: Кто забыл здесь его (свою) помаду?). Как мы видим, в русском переводе в этом случае приходит на помощь местоимение «свой».

Таким образом, с точки зрения феминисток, маскулинность и фемининность в языке резко разграничены и противопоставлены друг другу, что, в конечном итоге, ведёт к образованию в нём гендерных асимметрий (как проявлений языкового сексизма). При этом степень андроцентризма в различных языках неодинакова. Так, языки, функционирующие в патриархатных культурах, являются по своей сути «мужскими» языками, отражающими мужскую картину мира.

В целях устранения гендерных асимметрий, феминистская критика языка провозгласила своей приоритетной задачей языковую политику, направленную на сознательное переосмысление и, соответственно, изменение существующих языковых

норм. Её цель, в общем и целом, сводилась к следующему: не допускать сексизма в языке.

В Германии меры в области профеминистской языковой политики впервые нашли своё отражение в общих директивах и рекомендациях по несексистскому использованию языка. Первый документ такого рода, а именно «Директивы по избежанию сексистского употребления языка» («Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs»), был обнаружен уже в 1980 г. [10]. Стимулом для продолжения работы послужило принятие 21 февраля 1990 г. комитетом министров Совета Европы «Рекомендации об устранении сексизма из языка» (Recommendation No. R (90) 4 of Committee of Ministers to member states on the Elimination of Sexism from Language), в которой было официально признано существование взаимосвязи между языком и социальными установками в обществе. В 1993 г. немецким отделением ЮНЕСКО были изданы составленные М. Хеллингер (M. Hellinger) и К. Бирбах (Ch. Bierbach) профеминистские рекомендации «Язык для обоих полов: директивы для несексистского употребления языка» (Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch) [11]. Практическим руководством к действию стал опубликованный в том же году Зигрид Мюллер (S. Müller) и Клаудией Фукс (C. Fuchs) по поручению магистратуры г. Франкфурта на Майне «Справочник по несексистскому употреблению языка в официальных текстах» («Handbuch zur nichtsexistischen Sprachverwendung in öffentlichen Texten») [12]. Следует отметить, что в период с 1990 по 1995 гг. появились аналогичные директивы не только в большинстве немецких федеральных земель, но и в Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне. Деятельность по воплощению идей феминизма в жизнь продолжилась и после этого периода. Так, в 2000 г. по поручению Министерства юстиции и по делам женщин, молодежи и семьи земли Шлезвиг-Гольштейн Фридерикой Браун (F. Braun) был разработан документ, получивший название «Больше женщин в язык» («Mehr Frauen in die Sprache») [13].

Основной целью этих и подобных директив было идентифицировать сексизм в языке и предложить такие альтернативные варианты употребления немецкого языка, которые не были бы дискриминационными по отношению к женщинам. В качестве целевой группы рассматривались лица, которые профессионально и /или официально имели дело с письменным и устным языком, обучали языку в учебных заведениях, воздействовали на общественность через СМИ, издательства и т.п.

В процессе продолжительной дискуссии сформировались четыре основных стратегии антисексистской модификации немецкого языка [ср.: 14]:

1. Нейтрализация. Речь идёт об отказе от гендерной спецификации, например, посредством использования гендерно-нейтральных номинаций типа *Person* «лицо», форм множественного числа типа *Leute* «люди» и субстантивированных прилагательных и причастий типа *Beteiligte* «участвующий», *Angehörige* «принадлежащий». В качестве экстремального случая предлагается использовать средний род, соответственно артикль *das*, вместо «общего» мужского рода, используемого для названия лица без учёта пола: *das Arzt*.

2. Феминизация. Речь идёт об обязательном (лексическом) указании на включённость женщин, если она имеет место быть, посредством симметричного использования женских и мужских форм имен существительных типа *Wählerinnen und Wähler* «избирательницы и избиратели», слов с компонентами *-frau/-mann* типа *Kauffrau od. -mann* «коммерсантка или коммерсант», субстантивированных причастий и прилагательных типа *der / die Angestellte* «служащий / служащая», *der / die Angeklagte* «обвиняемый / обвиняемая», *der / die Arbeitslose* «безработный / безработная», а также местоимений *er* «он» / *sie* «она». Вошло в норму употребление указательных местоимений с помощью заглавной *R* (*jederR* «каждый/каждая», *dieseR* «этот / эта»). Такой способ феминизации, получивший название «сплиттинг», был поддержан представителями институтов по выработке языковой нормы. Сюда же можно отнести предложение по погашению фемининного суффикса *-in* посредством использования артиклем мужского и, соответственно, женского рода при раздельном назывании мужчин и женщин: *der Professor – die Professor* [15, с. 184].

Согласно нашим наблюдениям, стремление, во что бы то ни стало, продемонстрировать учтённость лиц женского пола посредством сплиттинга может привести к формальным и содержательным несоответствиям: *Handlungskompetent ist die- oder derjenige, der keine langen Reden schwingt, sondern auf den Tisch haut und macht* (Süddeutsche Zeitung, 23./24. August 2008, Nr. 196, S. 18). Здесь было бы целесообразно, на наш взгляд, использовать форму множественного числа: *...sind diejenigen, die ...*, либо в обоих случаях прибегнуть к параллельным формам: *...die- oder derjenige, die- oder der...*

3. Использование феминизмов при одновременном назывании женщин и мужчин, т.е. радикальный переход от маскулинных (мужских) форм к фемининным (женским), типа *Studentinnen* «студентки» в значении «учащиеся».

4. Использование внутреннего прописного I типа *StudentInnen*, что соответствует паузе при говорении. В этом случае имеет место симметрия, т.к. трём значениям соответствуют три формы

(мужской род, женский род и множественное число). В корпусах языкового материала «Института немецкого языка» (IDS-Korpora) фиксируются все феминистски мовированные образования с внутренним I, начиная с 1987 г. (впервые они появились в газете «die taz»). Хронологический анализ показал, что пик их употребления пришелся на 1990 г., когда практически все печатные органы откликнулись на призывы феминисток, а затем стало наблюдаться некоторое падение. Следует упомянуть, что мовация *nomina agentis* посредством суффикса *-in* (3011 случаев) в отношении хронологии их употребления обнаружила точно такую же тенденцию [16, с. 175].

Феминистская критика языка сфокусировала внимание общественности на языковом феномене «женская трудовая деятельность» и инициировала языковое изменение в данной группе номинаций, тем самым вызвав потребность в новых фемининных наименованиях, которая реализовалась в первую очередь за счёт активного мовирования имеющихся обозначений профессий, т.е. образования имён женского рода от соответствующих наименований мужского рода при помощи суффикса феминизации *-in* (и компонента *-frau* как его альтернативы). Исследование М. Федотовой показало, что вопреки распространённому в современной лингвистике тезису «о более медленных темпах языковых изменений по сравнению с изменениями социальными, в группе наименований женщин по профессии наблюдается редкий пример противоположной корреляции: кодификация специализированных наименований для женщин и экспликация обеих форм мужского и женского рода посредством сплиттинга в официальных документах и рекламных проспектах работодателей создают впечатление «неразделенного» по признаку пола рынка труда, тогда как в реальной действительности признак пола здесь всё ещё играет значительную роль, причём чаще всего не в пользу женщин» [17, с. 79].

Мовирование остаётся центральным инновационным процессом в группе женских номинаций. Неуклонно растёт число существительных с компонентом *-frau*. Так, из примерно 360 000 восемь и более раз зафиксированных в современном немецкоязычном корпусе лемм (опорных слов) выявлено более 300 слов с конечным *-frau* (от *Aborigenesfrau* до *Zwillingsfrau*). Если учесть также реже встречающиеся леммы, то это число возрастёт до 25000. Большинство из слов являются сиюминутными случайными образованиями (*ad hoc-Bildungen*), мовированными из правовых соображений (*Außenhandelskauffrau*, *Bankkauffrau*, *Fachfrau*, *Feuerwehrfrau*) или в результате эманципаторной потребности в экспрессивных, как

правило, иронических, обозначениях лиц женского пола (*Biederfrau*, *Buhfrau*, *Eisfrau*, *Sauberfrau*, *Weihnachtsfrau*) [18, с. 169].

В немецком языке реализовано также требование соответствия личного местоимения фактическому полу референта. Так, личное местоимение *sie* «она» теперь может соотноситься с существительным среднего рода *das Mädchen* «девушка». Рекомендуется также последовательное использование грамматических форм местоимений женского рода в единственном числе, если имеется в виду только женщина, типа: *Ich suche jemand, die mir hilft*. Постепенно входит во всеобщее употребление неопределённое местоимение *jedefrau*. Время от времени оно стало впервые появляться в еженедельной газете «Die Zeit» в период с 1985 по 1987 гг., в то время как в других изданиях его появление датируется лишь серединой 90-х годов. Сначала его можно было встретить только в составе параллельно употребляемых форм *jedermann* и *jedefrau*, а также в контекстах, в которых речь идёт о специфически женской проблематике, например, беременность, роды и т.п. Понятно, что в последнем случае употребление местоимения *jedermann* просто неуместно. Обычно в контексте при этом содержатся и другие феминистские сигналы типа внутреннего I или сплиттинговых форм *er/sie*. Вне зависимости от женской тематики и без параллельного использования *jedermann* местоимение *jedefrau* довольно часто можно встретить в ежедневной газете «die taz». Постепенная замена местоимения *jedermann* на *jedefrau* в «женских» контекстах или их параллельное употребление ведет к тому, что элемент *-mann* ремотивируется (наблюдается процесс делексистикализации), теряя свою генерализирующую функцию, и ему возвращается его исконное значение «каждый мужчина» (Примеры U. Naß-Zumkehr 2003, с. 169-171).

Следует отметить, что некоторые феминистские рекомендации нашли своё отражение в современных немецких лексикографических трудах. То, что редакция издательства Дуден до 90-х гг. XX в. оказала решающее влияние на несексистское употребление языка, можно наблюдать на следующем примере. Дуден 1980 г. называет «чиновника» существительным *Amtmann* (*Amt* «чин» – *Mann* «человек, мужчина») независимо от того, имеется в виду мужчина или женщина. В 1986 г. в Словаре появилось симметричное мовированное существительное *Amtmännin*, обозначающее лицо женского пола. В 1991 г. уже было отдано предпочтение другому мовированному наименованию – *Amtfrau* [19, с. 331]. В итоге в этом же году федеральное правительство поддержало инициативную группу и высказалось за использование в официальном языке

существительных *Amtmännin* или *Amtfrau* вместо выражения *der weibliche Amtmann*. Оно также выказалось за использование других гендерно нейтральных формулировок.

Феминистки считают язык сексистским и в том случае, когда при отражении межличностных отношений женскому полу отводится традиционно второстепенная роль. Поэтому фраза *Otto baut ein Vogelhaus, Anna hilft ihm dabei* «Отто строит скворечник, Анна помогает ему в этом» является гендерно некорректной и должна быть заменена на примерно следующую: *Anna und Otto bauen gemeinsam ein Vogelhaus*. «Анна и Отто вместе строят скворечник» (Примеры G. Klann-Delius 2005, с. 185).

Критикуя лексический строй языка, феминистки предлагают видоизменить некоторые существующие номинации, ущемляющие права женщин. Так, в Германии с 1980 г. принято лишь одно официальное обращение к лицам женского пола – *Frau* (вместо ранее параллельных форм *Frau* и *Fräulein*). Следует отметить, что немецкие феминистки выступают против асимметрии в использовании собственных имён, когда мужчин называют только по фамилии (Werner), а женщин по имени и фамилии (Anna Werner). Кроме того, феминистки выступают против того, что при одновременном назывании мужчин и женщин, как правило, сначала называют мужчин, а после них – женщин (*Mann und Frau*), причём женщины-супруги, в отличие от мужчин-супругов, называются часто только по имени, без титулов, хотя таковые имеются. Так, предложение *Bundespräsident Scheel und Ehefrau Mildred* должно звучать, по мнению феминисток, следующим образом: *Bundespräsident Scheel und seine Frau Dr. Scheel* (Примеры G. Klann-Delius 2005, с. 185).

Значительной победой феминистской критики языка можно считать то, что в 80-90-е годы в Германии немецкий административно-правовой язык претерпел существенные изменения. Этому в не малой степени способствовала деятельность рабочей группы «Rechtssprache» («Язык права»), которая в течение трех лет (1990-1993) занималась правовым регулированием, устраняющим гендерное неравенство в области наименований профессий и должностей. Её рекомендации, одобренные бундестагом 15 января 1995 г., предписывали не использовать в административном языке маскулинные наименования на *-mann* в отношении женщин. Соответственно рекомендовано употребление наименований на *-frau* или гендерно нейтральных выражений с компонентом *-person* (*Ersatzperson* вместо *Ersatzmann*). В оборот были введены прежде неупотребительные в отношении статусных профессий существительные на *-in* (*Richterin* «женщина-судья»), предложены фемининные новообразования

для обозначения титулов (*Magister* «магистр-мужчина» / *Magistra* «магистр-женщина») (Примеры Klann-Delius 2005, с. 187). Следует отметить, что многие сегодняшние немецкие законы датируются XIX в., когда женщины были лишены права голоса и не имели доступа к государственной службе. Поэтому в административно-правовой сфере в принципе не существовало таких понятий как *Wählerin* «избирательница» и *Ministerin* «министр-женщина».

Кодификация языкового равноправия нашла свое отражение в Федеральном законе о госслужащих (*Bundesbeamtengesetz*, сокр. BBG) в редакции от 27 февраля 1985 г. (см. § 8). В Классификаторе профессий 2010 (*Die Klassifikation der Berufe 2010*) наряду с мужскими вариантами наименований профессий в обязательном порядке указываются женские аналоги (Ср.: *Digitalelektroniker/in, Studienleiter/in, Alleinmatrose/-matrosin, Abteilungsgelhilfe/-gehilfin, Agrarpädagoge / -pädagogin*). Приведён в соответствие с феминистскими рекомендациями текст Федерального закона о профессиональном образовании от 23 марта 2005 г. (*Berufsbildungsgesetz*, сокр. BBiG). Так, в § 93 «Präsident oder Präsidentin» первый пункт гласит: *Der Präsident oder die Präsidentin vertritt das Bundesinstitut für Berufsbildung gerichtlich und außergerichtlich. Er oder sie verwaltet das Bundesinstitut und führt dessen Aufgaben durch. Soweit er oder sie nicht Weisungen und allgemeine Verwaltungsvorschriften des zuständigen Bundesministeriums zu beachten hat (§ 90 Abs. 3 Nr. 1 und 2), führt er oder sie die Aufgaben nach Richtlinien des Hauptausschusses durch.* В соответствии с требованием о соблюдении равноправия полов на языковом уровне принцип сплиттинга стал широко использоваться на сайтах агентств по трудоустройству в объявлениях об имеющихся вакансиях. Ср.: *Stellenangebot: Logopädin / Logopäde, Atem-, Sprech-u. Stimmlehrer/in; Diplom-Pflegepädagogin / Diplom-Pflegepädagoge oder Lehrerin / Lehrer für Pflegeberufe; Rechtsanwältin / Rechtsanwalt* (<http://www.backinjob.de/>).

При составлении текстов законов стали использоваться гендерно корректные формулировки. Так, в Законе об акушерках 1997 г. в отличие от версии 1985 г. наименование «федеральный министр» заменено собирательным понятием «федеральное министерство» (*das Bundesministerium*). Равным образом «федеральный министр юстиции» заменён на «федеральное министерство юстиции» в Законе о конституционном суде ФРГ (редакция 1993 г.). Комитет выборщиков бундестага (*Wahlmännernausschuss des Bundestages*) получил новое название *Mitglieder des Wahlausschusses* «члены центральной избирательной комиссии», в результате чего маскулинное выражение *Wahlmänner*

уступило место гендерно нейтральному *Mitglieder*. Были устранены маскулинные формулировки и в Законе о страховании 1995 г. на случай необходимости постоянного ухода (Pflegeversicherungsgesetz).

Часто используемое в юридическом языке выражение *Väter des Grundgesetzes* «отцы Основного закона» (речь идёт о конституции Германии) в 90-е гг. было заменено более корректным выражением *Gründeväter und -mütter* «отцы и матери-основатели», поскольку среди разработчиков были четыре женщины. Широко употребляемое в 70-е гг. существительное *Studenten* «студенты» в административно-правовой сфере в 90-е годы уступило место субстантивированному причастию *Studierende* «учащиеся». А выражение *Doktormutter* стало употребляться наряду с *Doktorvater* для обозначения «научного руководителя-женщины» (Примеры К.-М. Eichhoff-Сyрус 2002, с. 326).

Сегодня гендерно корректные формулировки очень часто можно встретить при изучении научных источников по той или иной проблеме. Приведём в качестве наглядного примера цитату из работы Г. Вебера «Интерактивный урок иностранного языка: определения, формы, функции»: «Methodisch bietet sich hier das Verfahren der „Blitzlichts“ an, bei dem der Unterricht bewusst unterbrochen wird, und jede(r) Teilnehmer(in) in ein zwei Sätzen seine oder ihre augenblickliche Befindlichkeit unkommentiert beschreibt» (Weber H. Interaktiver Fremdsprachenunterricht: Definitionen, Formen, Funktionen // Huber Beiträge. 1998. S. 8). А при изучении научной литературы, касающейся внедрения Болонского процесса в образовательную систему Германии, нами были зафиксированы следующие варианты гендерно корректных формулировок: *Der / die Experte/in* sollte eine beratende und koordinierende Funktion übernehmen / die Ergebnisse der Arbeit *der Bologna-Berater/innen und -Koordinator/innen* an den Hochschulen / nicht alle *Bachelor-Absolventinnen und -Absolventen* / freier Zusammenschluss von *StudentInnenschaften* / als Austauschpartner des *DeutschlehrerInnenverbandes* / Nach Beendigung des Auslandsaufenthaltes wäre *der/die Anerkennungsbeauftragte* wiederum *Ansprechpartner/in* zwecks Bestätigung der Anerkennungsäquivalenzen für *die Studierenden* / die *rezipientInnenseitigen* Urteile. Как мы видим, в печатной литературе заглавное I стало широко использоваться не только при переводе единственного числа во множественное с указанием женской формы, но и в производных и сложных словах разных частей речи.

Что касается интернет-сайтов и немецкой прессы, то в женских изданиях при упоминании лиц женского пола всегда используются фемининные

образования, преимущественно мовированные существительные с суффиксом -in. Так, на сайте (<https://www.vdu.de/>) Союза немецких предпринимательниц (Verband deutscher Unternehmerinnen, сокр. VdU) нами были выявлены следующие наименования, обозначающие статусную должность, занимаемую женщиной: *Bundeskanzlerin* Dr. Angela Merkel; Dr. Ursula von der Leyen, MdB, *Bundesministerin* der Verteidigung; Dilek Kolat, *Senatorin* für Arbeit, Integration und Frauen, Berlin; *Geschäftsführerin* von „Brahmfeld & Gutruf“; Claudia Gläser, *VdU-Vizepräsidentin*, und Jasmin Arbabian-Vogel, *Vorsitzende* des VdU-Landesverbands Niedersachsen; Isabelle Graw, *Kunstprofessorin*; die *Unternehmerin* Stephanie Bschorr и др. В женском журнале Missy Magazine (<http://missy-magazine.de/>) нами были обнаружены наименование лиц женского пола с прописным I во множественном числе: FeministInnen, JournalistInnen. В прочих изданиях, например, популярной газете Zeit Online (<http://www.zeit.de/index>) при обозначении лиц обоего пола повсеместно используется мужская форма и только при обозначении исключительно лиц женского пола – мовированные имена существительные (*Kanzlerin Merkel, Jura-Studentin, unsere Autorin, ihre Schriftsteller-Kollegin und Namensvetterin Nora Bossong, IS-Sympathisantinnen, die Zauberkünstlerin, Erzieherinnen* u.a.). В редких случаях можно встретить сплиттинговые формы: Während der dreitägigen Lesungen von vierzehn *Schriftstellerinnen und Schriftstellern* wird die Literatur auf die mediale Belastbarkeitsprobe gestellt. Следует отметить, что в объявлениях о вакансиях такие формы в газете не используются вовсе. Вместо них имеют место принятые ранее указатели пола: m – *männlich* «мужской», w – *weiblich* «женский». Ср.: Oberstufenlehrer (m/w) an Waldorfschulen, Geschäftsführer (m/w) für den städtischen Kulturbetrieb (Werkleiter), Wissenschaftlicher Mitarbeiter (m/w) Bestandserfassung u.a. Как мы видим, здесь не учитываются требования по несексистскому употреблению языка, хотя есть помета об ориентации вакансии как на мужчину, так и на женщину. Таким образом, пока требования по антисексистскому использованию немецкого языка независимо от сферы его употребления не будут законодательно закреплены, мы будем сталкиваться с различными, в том числе диаметрально противоположными, подходами к проблеме сексизма в языке. Немало тех, кто считает феминистскую критику языка выражением женских капризов, явлением моды и поэтому недостойной какого-либо внимания.

В заключение следует отметить: в Германии результатом феминистской критики языка стали антисексистские изменения языковой нормы, что вполне соответствовало ратифицированной

в 1985 г. Бундестагом «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. и вступившей в силу как международный договор 3 сентября 1981 г. Благодаря последовательной языковой политике гендерно корректные формы сегодня стали всё шире употребляться в административно-правовой сфере, в СМИ, в научной литературе, в системе образования и других областях общественной жизни, в связи с чем мовированные наименования носителями языка уже не воспринимаются как образования со сниженной социальной коннотацией. Этого нельзя, однако, сказать о других языках. Поэтому при передаче информации с одного языка на другой зачастую практически невозможно следовать феминистским установкам: не всякий язык имеет соответствующие аналоги в виде симметричных маскулинных и фемининных обозначений. В русском языке, на-

пример, на сегодняшний день нет общепринятых женских параллельных наименований для «президента», «министра», «канцлера», «сенатора» и других аналогичных понятий. Так, если взятую из немецкой прессы фразу *Kanzlerin Merkel* перевести как «канцлер Меркель» (что присутствует в российской прессе), то часть информации теряется и неосведомленному читателю неясно, идёт речь о мужчине или женщине (как правило, на таких позициях представляют мужчину). Чтобы этого не произошло, обычно вставляют женское имя перед фамилией, что уже само по себе является гендерно некорректным. Несмотря на такие коллизии, русский язык, в отличие от английского и немецкого, упорно противостоит западным нововведениям. Однако сохранится ли такая тенденция навсегда, покажет время. Пока же интерес российских учёных к достижениям феминистской лингвистики не угасает, как, собственно, и в самих западных странах.

Список литературы:

1. Grimm J. Deutsche Grammatik. Dritter Teil. Göttingen, 1831.
2. Jespersen O. Die Sprache. Ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925.
3. Мишель А. Долой стереотипы! Преодолеть сексизм в книгах для детей и школьных учебниках. Париж: ЮНЕСКО, 1986.
4. Гендерный глоссарий проекта «Ресурсы гендерного образования» [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба России: [сайт]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/43/word/> (дата обращения: 14.04.2015).
5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 138–143.
6. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1984.
7. Klann-Delius G. Sprache und Geschlecht. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2005.
8. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1984.
9. Lexikon Sprache: Feministische Linguistik [Electronic resource] // Metzler Lexikon Sprache / Hrsg. von H. Glück. 2. Ausgabe. Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. Band 34. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). S. 2950–2955.
10. Guentherodt I., Hellinger M., Pusch L.F., Trömel-Plötz S. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs // Linguistische Berichte. № 69. 1980. S. 15–21.
11. Hellinger M., Bierbach Ch. Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch. Bonn: Deutsche Unseco-Kommission, 1993.
12. Müller S., Fuchs C. Handbuch zur nichtsexistischen Sprachverwendung in öffentlichen Texten. Frankfurt/M.: Fischer, 1993.
13. Braun F. Mehr Frauen in die Sprache. Leitfaden zur geschlechtergerechten Formulierung. Kiel, 1991.
14. Lexikon Sprache: Feministische Linguistik [Electronic resource] // Metzler Lexikon Sprache / Hrsg. von H. Glück. 2. Ausgabe. Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. Band 34. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). S. 2950–2955.
15. Klann-Delius G. Sprache und Geschlecht. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2005.
16. Haß-Zumkehr U. Hat die Frauenbewegung Wortschatzgeschichte geschrieben? Chancen und Probleme korpuslinguistischer Analysen // Germanistische Linguistik. 2003. № 169 170. S. 161–179.
17. Федотова М. Наименования женщин по профессии в современном немецком языке // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин: Материалы науч. конф., Тверь, 24 июня 2000 г. Тверь, 2000. С. 74–80.
18. Haß-Zumkehr U. Hat die Frauenbewegung Wortschatzgeschichte geschrieben? Chancen und Probleme korpuslinguistischer Analysen // Germanistische Linguistik. 2003. № 169 170. S. 161–179.
19. Eichhoff-Cyrus K.-M. Neues Recht: Sprachliche Gleichbehandlung der Geschlechter vor dem Gesetz // Muttersprache. Jahrgang 112. 4/2002. S. 324–336.

References (transliteration):

1. Grimm J. Deutsche Grammatik. Dritter Teil. Göttingen, 1831.
2. Jespersen O. Die Sprache. Ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925.
3. Misher' A. Doloi stereotipy! Preodolet' seksizm v knigakh dlya detei i shkol'nykh uchebnikakh. Parizh: YuNESKO, 1986.
4. Gendernyi glossarii proekta «Resursy gendernogo obrazovaniya» [Elektronnyi resurs] // Natsional'naya entsiklopedicheskaya sluzhba Rossii: [sait]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/43/word/> (data obrashcheniya: 14.04.2015).

5. Kirilina A.V. Gendernye issledovaniya v zarubezhnoi i rossiiskoi lingvistike (Filosofskii i metodologicheskii aspekty) // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2000. № 4. S. 138–143.
6. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1984.
7. Klann-Delius G. Sprache und Geschlecht. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2005.
8. Pusch L. Das Deutsche als Männersprache. Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1984.
9. Lexikon Sprache: Feministische Linguistik [Electronic ressource] // Metzler Lexikon Sprache / Hrsg. von H. Glück. 2. Ausgabe. Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. Band 34. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). S. 2950–2955.
10. Guentherodt I., Hellinger M., Pusch L.F., Trömel-Plötz S. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs // Linguistische Berichte. № 69. 1980. S. 15–21.
11. Hellinger M., Bierbach Ch. Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch. Bonn: Deutsche Unesco-Kommission, 1993.
12. Müller S., Fuchs C. Handbuch zur nichtsexistischen Sprachverwendung in öffentlichen Texten. Frankfurt/M.: Fischer, 1993.
13. Braun F. Mehr Frauen in die Sprache. Leitfaden zur geschlechtergerechten Formulierung. Kiel, 1991.
14. Lexikon Sprache: Feministische Linguistik [Electronic ressource] // Metzler Lexikon Sprache / Hrsg. von H. Glück. 2. Ausgabe. Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. Band 34. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). S. 2950–2955.
15. Klann-Delius G. Sprache und Geschlecht. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2005.
16. Haß-Zumkehr U. Hat die Frauenbewegung Wortschatzgeschichte geschrieben? Chancen und Probleme korpuslinguistischer Analysen // Germanistische Linguistik. 2003. № 169 170. S. 161–179.
17. Fedotova M. Naimenovaniya zhenshchin po professii v sovremennom nemetskom yazyke // Puti i perspektivy integratsii gendernykh metodov v prepodavanie sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin: Materialy nauch. konf., Tver', 2 4 iyunya 2000 g. Tver', 2000. S. 74–80.
18. Haß-Zumkehr U. Hat die Frauenbewegung Wortschatzgeschichte geschrieben? Chancen und Probleme korpuslinguistischer Analysen // Germanistische Linguistik. 2003. № 169 170. S. 161–179.
19. Eichhoff-Cyrus K.-M. Neues Recht: Sprachliche Gleichbehandlung der Geschlechter vor dem Gesetz // Muttersprache. Jahrgang 112. 4/2002. S. 324–336.